

VII

В ПЕТЕРБУРГЕ. «КОММУНА». ПЛАНЫ «ТРУДОВЫХ КОЛОНИЙ»

Столкнувшись с тогдашним революционным настроением, как среди евреев, так и среди неевреев, Трумпельдор решил не подавать царю знаменитого «заявления», вызвавшего столько борьбы в плену. Произведя переоценку своим планам и возможностям, он приходит к убеждению, что он мало подготовлен к той работе, которую он себе наметил, и что ему необходима подготовка не только средней, но и высшей школы. Он отказывается от немедленной поездки в Палестину и от устройства там «трудовых колоний» до того времени, пока не закончит своего среднего и высшего образования. Правда, эта работа отнимет у него 5 — 6 лет, но за то после окончания университета ему легче будет сделать за год то, на что теперь он должен потратить годы и годы, — рассуждал он. Жизнь эволюционирует, и необходимо быть вооруженным научными поз-

наниями, чтобы можно было поспевать за ней. Физические силы очень нужны Палестине, но не меньше нужны ей и знания. Университет, надеялся он, даст ему эти познания.

Убедив себя таким образом, что, идя в университет, он продолжает готовиться для Палестины, Трумпельдор пишет мне в Елисаветград, где я тогда находился у своих родителей, после пяти лет военной службы: «Милый Давид. Из нашей группы 11-ти остались мы вдвоем. Некоторые ушли от нас совсем, другие говорят, что их уход временный. Я не верю, чтобы они опять вернулись к нам. Но это ничего, все к лучшему; теперь мы сделаем более тщательный подбор товарищей для нашей первой колонии. Дело в том, что план наш должен быть расширен, а многие из нашей группы не могли понять этого... Я решил поселиться в Петербурге, временно отказаться от всякой общественной работы, уйти от людей и начать заниматься по предметам среднего учебного заведения, чтобы весной (это было летом 1906 г.) держать экзамен на аттестат зрелости и поступить в университет, на юридический факультет. Последуйте моему примеру. Я знаю, Вас привлекает агрономия. Приезжайте сюда. Будем вместе заниматься. Пусть Вас не страшит, что мы отклоняемся от нашей главной

цели — Палестины. Наоборот, этим мы ускорим нашу работу. Пусть Вас также не страшат средства. Приезжайте. У меня имеется приблизительно до 30 рублей в месяц, будем вместе «кутить».

И я поехал в Петербург. Квартуру выбрал Трумпельдор на Петербургской стороне, в Татарском переулке, в мансарде. Комнатушка была величиною три шага на три. Он мне сообщил, что комната стоит 9 руб. в месяц с кипятком утром и вечером.

— Это большая экономия, — сказал он, — ведь, чай мы пьем без сахара, так что нам придется тратить на чай всего каких-нибудь 20 коп. в месяц. Обедать будем тут же неподалеку: на Тучковом мосту имеется пловучая столовая Общества Народной Трезвости, — баржа, где можно получить щи с кашей и с куском хлеба за 5 — 6 коп. Я высчитал — продолжал он, — что у нас на двоих должно уйти рублей 17, — сюда уже входит квартира, прачка и рубля три на непредвиденные расходы, а 10 руб. остается на учителей и проч., благо, я имел случай достать все необходимые учебники. Так мы и будем помаленьку жить и заниматься.

И работа началась. День начинался рано и кончался очень поздно. Трумпельдор —

общественник, любивший природу, жизнь, людей, театр, пользовавшийся всегда огромным успехом среди женщин, превратился в настоящего отшельника. День и ночь он работал, никуда не ходил, никого не принимал, весь ушел в занятия. И нужно ему отдать справедливость, — он много успевал, обнаружив выдающиеся способности, усидчивость и огромное терпение. Так проходило время. В Татарском переулке мы занимались, а на «барже» столовались. Баржа была единственным местом, куда мы уходили на полчаса в день, а затем опять шли занятия. Приближался уже ноябрь, на улицах Петербурга стояли большие морозы, а Трумпельдор вынужден был довольствоваться одной кавказской буркой, которая служила ему для двух целей: днем вместо пальто, а ночью — одеялом.

Тихо, спокойно, беззаботно жили мы в тихом углу Петербурга, близ Невы, через которую нам приходилось переходить ежедневно, чтобы попасть в наш пловучий «ресторан». Кормили нас ежедневно щами и кашей, но это нас не трогало, — у нас были другие заботы. Мы тогда ни о чем и ни о ком не думали, а всецело были поглощены своей алгеброй, геометрией, латынью и т. д. Мы даже газет не читали. Лишь однажды наше «мирное житие»

прервал несколько экстравагантный случай. Вернувшись домой из нашего «ресторана», мы были поражены резким запахом духов в комнате. Мы посмотрели друг на друга, как бы спрашивая, что сие значит, откуда, кто? Обратившись к швейцару, мы получили разъяснение.

— Да, была барышня и просила Вас, — указал швейцар на Трумпельдора, — зайти завтра в 10 час. утра по этому адресу, — и он подал ему визитную карточку. Надпись на карточке гласила: «Княжна Гагарина».

На завтра Трумпельдор, приодевшись почище, но в своей неизменной бурке, отправился к княжне. Через несколько часов он вернулся домой и рассказал, что княжна предложила ему поступить в один из Петербургских полков адъютантом с тем, что его произведут в поручики и вообще откроют широкий путь для военной карьеры, — вплоть до военной академии, если он того пожелает. При этом очевидно ему был сделан намек, что ему придется в этом случае переменить свою веру. Но Трумпельдор, поблагодарив ее за внимание, отклонил ее предложение, объяснив, что он далек от военного дела. При прощании княжна, однако, заверила его, что она всегда готова быть ему полезной. Трумпельдор еще раз поблаго-

дарил ее, и они расстались. Больше он не встречался с княжной и к ее услугам не прибегал. Его жизнь экстерна пошла своим чередом. Об этом эпизоде своей жизни он никогда даже не вспоминал и не любил рассказывать. Ему было как то даже странно думать об этом: он, стремившийся к науке, к труду, к Палестине, — и вдруг поручик, ад'ютант, офицер академии... Нет, не стоит и думать об этом, жаль только, что потерял из за этого полдня...

Весною 1907 г. Трумпельдор выдержал экзамен на аттестат зрелости. Получив свидетельство и подав бумаги в Петербургский университет, на юридический факультет, он уехал в Пятигорск, где все лето отдыхал.

Трумпельдор-студент повел совсем иную жизнь. Экстерном он был отшельником, никого не желал видеть, ни о чем не хотел думать, кроме как о математических формулах или латинских переводах. Студентом же он воскресает опять к жизни и к кипучей деятельности. Общительный по природе, он имеет огромный круг знакомых и много поклонников. Всяким жизненным явлением он интересуется, как бывало интересовался в старое доброе время. На все у него хватало времени: занимался дома, посещал лекции в университете, не пропускал ни одного доклада и реферата в уни-

верситетских кружках, читал по разным отраслям знания. Он, как губка, впитывал в себя все новое. При этом ему приходилось еще и давать уроки, чтобы добывать средства к существованию. Трумпельдор поступил в университет к зиме 1907 — 1908 г., и мы с'ехали в Петербурге. Поселился он на Васильевском Острове, на 5-ой линии, но не один, а образовал «коммуну». Сняты были три комнаты в одной квартире, и жильцы этих трех комнат, в числе 7 человек, были членами «коммуны». «Коммуна» эта ставила себе задачей: вместе вести домашнее хозяйство, а по вечерам устраивать чтения разных авторов по разным вопросам, для саморазвития. Саморазвитие сводилось тогда исключительно к изучению социальных вопросов. Каждый вечер собиралось в этой «коммуне» много студентов и курсисток. Тут были сионисты и антисионисты, социалдемократы обоих толков — меньшевики и большевики, с.-ры, кадеты, бундовцы и сеймовцы, индивидуалисты и общественники и проч., и проч. Споры шли на самые различные темы. Маркс являлся «властителем дум» этих вечеров. Его обсуждали на все лады, читали его в полном виде и в изложении. Среди членов и посетителей «коммуны» были ортодоксальные марксисты и крайние противники

теории Маркса, — сам же Трумпельдор не был марксистом, но не был и противником. Он всегда высказывал свое собственное мнение, которое многих «истов» злило, приводило в бешенство, ибо каждый из них хотел, чтобы «товарищ Ося» мыслил, как он, как его партия. Но Трумпельдор имел свой собственный подход ко всему, свою логику и свой резко выраженный индивидуальный взгляд. Он во многом критически относился к учению Маркса и к его прогнозам. Маркс, по его мнению, допустил грубую ошибку в отношении России и российского рабочего класса; он легкомысленно высказал также мнение о еврейском народе, осудил его и охарактеризовал самым отрицательным образом.

В этот период Трумпельдор много читал. На его столе можно было найти самых разнообразных авторов по социальному вопросу. Но больше всего он в то время увлекался утопиями. Утопия Этьена Кабэ «Икаррия» была его настольной книгой. Из научных университетских кружков он посещал кружки проф. Петражицкого и Туган-Барановского. Из них любимым его профессором был Туган-Барановский, развивавший в своих лекциях оригинальную «трудовую теорию», противоположную Марксовой. Таким образом прошел

для Трумпельдора первый университетский год.

После летних каникул мы с ним вернулись в Петербург. Трумпельдор тогда уже отказался от жительства в «коммуне» и поселился в центре. Не имея средств к существованию, он поступил в частную контору М. Персица, на 50 руб. в месяц, в качестве писца. Им были довольны за его аккуратность, пунктуальность и добросовестное отношение к своим обязанностям. Целый день работал он в конторе, а вечером занимался, читал и что-то писал, работая часто до поздней ночи. Раз в неделю посещал он литературный кружок студентов при университете. К весне он отказался от службы в конторе, чтобы сдать зачеты по университетским предметам.

В течение следующего учебного года, 1909 — 1910, Трумпельдор начинает отставать от общих вопросов и приближаться к интересам специально еврейской жизни. Часто можно было видеть его на докладах еврейского литературного общества на Офицерской ул. 42, — в этом центре еврейской общественности Петербурга. Этот год проходит для Трумпельдора в кипучей работе. Как он раньше много читал по общим вопросам, так он теперь запоем работал по еврейскому вопросу и палестинове-

дению. И все чаще начинает он задумываться над своей старой, но для него вечно новой, идеей: о создании в Палестине ряда трудовых колоний, с целью указать новый путь еврейским массам в области колонизации своей родины. К этому времени его идею разделяло уже несколько десятков юношей и девушек, и они вместе решают созвать с'езд сочувствующих. Срок созыва с'езда был назначен на август 1911 г., местом с'езда намечен г. Ромны, Полтавской губ., так как там имелось наибольшее число сочувствующих этим планам.

На с'езде присутствовало 8 человек; из них только один уже побывал в Палестине и соби-рался туда опять. С'езд принял основные по-ложения группы, которая стала называться: «Группа для устройства трудовых колоний в Палестине». Трумпельдор предложил, чтобы сразу были устроены две колонии, — одна в Палестине, а другая в России. Российская ко-лония должна служить учебной фермой для будущих товарищей. В Палестину эти това-рищи должны прийти уже подготовленными к сельскохозяйственной работе. В российской колонии каждый, желающий вступить в ряды группы, сможет испытать свои силы, так как от всех товарищей требуется, ведь, личный физический труд. Такая колония в России

будет также источником дохода, и благодаря ей можно будет вербовать новых товарищей.

Этот план Трумпельдора вызывал возражения, но ему, после долгих споров и дебатов, уступили с условием, однако, что он должен поехать в Палестину устраивать первую группу. Он согласился. На с'езде решено было немедленно приступить к работе. Было избрано исполнительное бюро, с местопребыванием в Петербурге; во главе его стоял Трумпельдор. Он развил большую работу, завязал сношения со многими городами и местечками и энергично вербовал товарищей.

В своих письмах к «тяготеющим», — так он называл тех, кто считался кандидатом в товарищи группы, — Трумпельдор тогда писал: «Их было 8. Они с'ехали в маленьком городке черты еврейской оседлости и четыре дня под ряд, с утра до позднего вечера, обсуждали «основы и цели». Все они чувствовали висящий над еврейством двойной гнет: национальный и социальный, и все хотели найти выход сразу из этого двойного гнета. Им казалось и кажется, что этот выход найден. Они решили, что устройством трудовых колоний в Палестине можно избавиться от двойного гнета. В трудовые колонии пойдут те многие евреи, которые не могут, при обыкновенных условиях,

переселиться в Палестину. При обыкновенных условиях для самостоятельного устройства в Палестине необходимо в среднем 5.000 руб. на семью, а устраиваться же рабочим, при конкуренции рабочих-арабов, трудно, почти невозможно. Для вступления-же в трудовую колонию требуется внесение пая в 250 руб., — сумма, которую часто нетрудно внести и малосостоятельному. Несмотря на такой незначительный, сравнительно, пай, можно надеяться, что жизнь в колонии сразу и экономически и духовно будет поставлена в хорошие условия. Это у инициативной группы на первом плане. Не то, чтобы они сами боялись или были неспособны на жертвы, но они хотят указать дорогу, которая оказалась бы пригодной для широких масс, обыкновенно не жертвоспособных. В трудовой колонии каждому обеспечено помещение, пища и простая, по возможности, изящная и практичная одежда. Конечно, в начале, когда будут производиться опыты с колонией, возможны неудачи. Посему в первую колонию инициативная группа будет с большою осторожностью вербовать новых товарищей. Для первой колонии нужны стойкие люди, не падающие духом при первой неудаче. И они найдутся. Найдутся потому, что еврейская молодежь не менее дееспособна и самоотверженна,

чем молодежь других наций. Пример «билуидцев» и многих других убеждает в этом. Нужно еще, чтобы входящие в авангард умели работать, чтобы они были знакомы с земледелием, различными профессиями и ремеслами. Пока таких, в общем, немного. Кроме 8-ми, бывших на с'езде, имеется еще четыре. Всего 12 человек. Правда, мало? Но разве маленький ручеек не превращается часто в большую и мощную реку?»

В другом месте он писал о том же деле: «Самое большое, самое важное, что беспокоит меня, это — найдутся-ли еврейские женщины, способные к жизни в колонии. Еврейские женщины еще больше, чем мужчины, ушли от трудовой жизни при земле. И кроме того — чужие виноградники привыкли стеречь дочери Сиона в темные долгие ночи. Но, верю, и дочери Сиона придут к своим виноградникам. Придут»...

Главную мысль свою — об устройстве в Палестине трудовых колоний — он излагает в статье, под названием «Новый Путь», которую он намеревался напечатать до того, как выпустит по этому вопросу обстоятельный труд. К этому труду он готовился годами, упорно и настойчиво. Он изучал сочинения древних, средневековых и современных утопистов. Для

этой-же цели он посетил многие колонии Толстовского типа, на Кавказе и в Воронежской губернии, ознакомился с кооперацией во всех странах и изучил историю Палестинской колонизации. Он готовился даже представить по этому предмету работу в университет для получения диплома первой степени.

Эта статья «Новый Путь» не увидела света, по многим причинам: во-первых, за неимением редакции, которая согласилась бы печатать чужие мысли; во-вторых, из за того, что в скорости после этого Трумпельдор уехал в Палестину и сделался там простым рабочим, батраком, не думая, конечно, о статьях. Но эта статья очень характерна для него, и мы считаем нужным, чтобы хотя бы теперь, после его смерти, знали о том, с какими намерениями приехал этот студент-юрист в Палестину и к чему он стремился. Мы приводим эту статью почти целиком в конце, в приложении; здесь мы даем только конец ея, где сообщаются фактические сведения об организуемой им группе:

«В заключение можно сообщить кое-что о группе, уже создавшейся и работающей в этом направлении. Группа эта на своем знамени написала: «Освобождение от национального и социального гнета». Теперь число товарищей доходит, не считая «тяготеющих», до 26-ти, из

них 7 женщин и 19 мужчин. Новые товарищи вербуются крайне осмотрительно; первое требование — уживчивость, второе — работоспособность. Так как заранее трудно решить вопрос даже относительно своей собственной уживчивости и работоспособности, то многие товарищи заявляют, что как только выяснится их неработоспособность или неуживчивость, они сами уйдут из колонии, не желая быть ей в тягость. Пять товарищей работают в Палестине «на земле», в качестве наемных рабочих; это — авангард группы. Установлен пай в 250 р., но принимают товарищей и без пая, раз те удовлетворяют всем остальным требованиям. Возможно, что группа начнет дело осенью 1912 г. Вот некоторые основные положения, касающиеся будущего внутреннего распорядка колонии: Равноценность труда физического и умственного, приятного и неприятного. Отрицательное отношение к наемному труду. Физический труд в колонии обязателен для каждого. Полнейшая терпимость к верованиям и убеждениям товарищей. Орудия производства должны быть общою собственностью. Распределение продуктов производства должно производиться так: предметы первой необходимости (помещение, пища, необходимая одежда) по потребностям; часть идет на общекультур-

ные потребности, на погашение долгов и пр.
и пр., все остальное делится поровну меж-
ду всеми членами колонии.»